

НАРОДНОСТЬ И ГОСУДАРСТВО В СЛАВЯНОФИЛЬСКОЙ ДОКТРИНЕ (1840–1880-е гг.)

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Правительства РФ П 220 № 14. В25.31.0009.

Рассматривается трактовка славянофилами взаимодействия государства и народности в историческом процессе. Указывается, что славянофильство апеллировало к народности как главному субъекту исторической деятельности, т.е. народность была для него главной силой общественного развития, а государство – ее инструментом. Автор обращает внимание, что все построения славянофилов о принципах взаимоотношений государства и народности адресовались исключительно русскому народу и не могли рассматриваться как универсальные идеи, касавшиеся всех народов империи. Славянофилы, провозгласив идею русского национального государства, определили русский народ главной движущей силой данного процесса. Россия должна была стать русским государством, что в славянофильском варианте предполагало проведение ассимиляции остальных народов, входивших в состав государства.

Ключевые слова: славянофильство; народность; государство; этноцентризм; национализм.

Национальный дискурс, по признанию большинства исследователей в европейской и, с некоторым отставанием, в российской интеллектуальной традиции, формировавшийся под воздействием бурных национальных процессов в Европе конца XVIII – начала XIX в., изначально сосредоточился на определении принципов взаимодействия нации и государства [1. С. 298; 2. С. 33–43]. Целью данной статьи является выявление взглядов славянофилов на взаимоотношения феноменов народности и государства как в исторической ретроспективе, так и в перспективе развития современного им российского общества.

В исторической литературе нет единой точки зрения на периодизацию славянофильства. Но большинство исследователей сходятся во мнении, что выработка основных положений славянофильской доктрины произошла в трудах А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. Аксакова и др. в 1840–1850-х гг. И.С. Аксаков выступил продолжателем классической славянофильской традиции и, в одной версии, был последним ее представителем, в другой – стал связующим звеном с поздним славянофильством [3. С. 87–88; 4. С. 127–147; 5. С. 15]. Поэтому хронологические рамки данного исследования ограничиваются периодом активной научной и публицистической деятельности указанных персонажей, т.е. 1840–1880 гг.

И.В. Киреевский достаточно равнодушно относился к вопросу образования Древнерусского государства. Дискуссия о призвании варягов и последующая политическая история для него вторичны, поскольку государственность в его представлении не была определяющим фактором в консолидации русского общества [6. С. 224].

Славянофил писал, что христианство на Руси распространялось, в отличие от Европы, не посредством мощной, централизованной церковной системы, сросшейся с государственной властью, а исключительно через духовное воздействие сотен отшельников и монастырей. Именно они создавали единство Русской земли в условиях политической децентрализации. Русское духовенство формировалось на основе всех сословий, и поэтому Русская православная церковь всегда была близка и понимала интересы всех слоев общества и носила народный надсословный характер [Там же. С. 222–224].

Православная церковь никогда не претендовала на политическую власть, не использовала принудительные меры воздействия на общество. Церковь всегда дистанцировалась от государства в данном аспекте, но при этом способствовала укреплению государственности, духовно сплачивая общество. В то же время государство не претендовало на духовную власть и, по мнению славянофила, сознавая свое мирское назначение, никогда не называло себя «святым». И.В. Киреевский настаивал на автономном сосуществовании государства и церкви и взаимном невмешательстве государственной и духовной власти [6. С. 224–225]. Таким образом, государственное, политическое единство русского народа было вторично по отношению к духовному, религиозному единству, что исключало идею о царе-богоносце и кесарепапизме. Следовательно, православным был народ, но не государство. Но также нельзя видеть здесь противоположность или противостояние государства и народа. Это разнородные явления, существовавшие в разных сферах, но при необходимости взаимодействовавшие ради общих целей.

Комментируя мысли И.В. Киреевского и в целом соглашаясь с его идеей примата духовности в процессе формирования единства русского народа, А.С. Хомяков возражал против идеализации древнерусской истории. По его мнению, трудно переоценить значение принятия православия для России, но духовное единство не могло возникнуть как непосредственная реакция на акт крещения. Большинство русских восприняли христианство как обряд, внешнюю его сторону. Необходим был длительный духовный труд всех людей, чтобы православие стало стержнем народного сознания. Кроме того, опять же не отрицая значения духовных ценностей в создании единства общества, А.С. Хомяков считал важным сопровождение данного процесса «материальными» явлениями, т.е. готовности к консолидации в общественном и государственном устройстве. С этой точки зрения система государственной власти и сословная структура Киевской Руси не созрели до государственного единства. Таким образом, общество Древней Руси было разобщено и духовно, и политически [7. С. 225–228].

В трактовке А.С. Хомякова центростремительные процессы созрели в период монгольского ига. Теперь

православие, став основой духовной жизни народа, могло выступать объединяющим началом, способствуя политической централизации русских земель под эгидой Москвы. При первенстве православия как объединяющего начала, его действие было бы невозможно без готовности государства и общества к единению. Соглашаясь с автономией духовной и государственной власти в России, славянофил акцентировал внимание на их взаимодополняемости и взаимодействии [7. С. 237–238]. И в общественном сознании единство религиозное совпадало с единством государственным, что продемонстрировали события смутного времени, когда государственное единство было восстановлено благодаря консолидированной воле всех слоев общества [Там же. С. 230].

У А.С. Хомякова нет противопоставления народа и власти, но равно и царь не выступал некой силой вне и над обществом, он был частью его. Само общество у него выглядит как взаимодействие социальной, политической и духовной сферы при доминировании последней, но не абсолютной детерминированности ею всех остальных элементов [Там же. С. 224]. Таким образом, славянофилы подходили к тезису о приоритете русской народности как консолидирующем факторе в полигностической и поликонфессиональной России.

К.С. Аксаков считал важным разграничение понятий «русский народ» и «русское государство». По его мнению, входившие в многонациональное Российское государство этнические группы не создавали только в силу этого факта единого народа [8. С. 302]. Данную позицию поддерживал Д.А. Валуев, считавший принципиальным четко определить границы русской нации, включая в нее только православных велико-, бело- и малорусов [9. С. 18–19]. Проблема для славянофила носила не только этнический, но и политический характер, поскольку он настаивал на сохранении за Российской империей характера русского национального государства и тем самым определял критерии отнесения к господствующей нации. Представители всех других народностей России рассматривались как подданные государства и в силу этого могли рассчитывать на его покровительство и защиту [Там же]. Впрочем, сохранение полигности Российской империи не виделось славянофилами обязательной целью ее развития. Очень емко высказался по данному поводу А.С. Хомяков, определив стратегию славянофильства в выстраивании межнациональных отношений: «Россия приняла в свое великое лоно много разных племен: Финнов прибалтийских, приволжских Татар, Сибирских Тунгусов, Бурят и т.д., но имя, бытие и значение получила она от Русского народа (т.е. человека Великой, Малой, Белой Руси). Остальные должны с ним слиться вполне, разумные, если поймут эту необходимость, великие, если соединятся с этой великой личностью; ничтожные, если вздумают удержать свою ничтожную самобытность» [10. С. 27].

Рассматривая проблему права народов на создание национального государства, Ю.Ф. Самарин отмечал, что государство и народ взаимосвязаны между собой, но связь носит не обоядный характер. Государство всегда опиралось на народ, являвшийся его ядром:

«...в основе самостоятельного государства всегда лежит народная стихия, более или менее цельная», и «государственная форма служит одним из проявлений этой стихии». Но обратная зависимость не носила характера общей закономерности, т.е. народ не всегда способен создать государство. Поэтому славянофил определял право народов на такое государственное устройство, «которое бы не нарушило свободы народной жизни во всех ее проявлениях, составляющих необходимое условие всякой живой народности. Мы разумеем под этим: свободу вероисповедания, официальное употребление народного языка в делах внутреннего управления и своеобразность гражданского быта» [11. С. 325–326]. Политическую самостоятельность публицист не относил к «числу существенно необходимых и неотъемлемых принадлежностей всякой живой, признанной народности» [Там же. С. 326].

Ю.Ф. Самарин настаивал на национальном характере Российского государства, созданного русским народом. Отказ от этого принципа он трактовал как покушение на единство империи, поскольку национальное единство заменялось бы опорой на разноплеменную элиту, наделенную индивидуальными привилегиями [12. С. 42–43].

Славянофил обратился к данной проблеме в дискуссии с газетой «Весть», авторы которой, признавая важнейшими факторами российского государственного единства наличие преобладающего национального ядра – великорусской народности и господствующей религии – православия, озабочились важностью гармонизации интересов большинства и национальных меньшинств. Для того чтобы меньшинства признали превосходство господствующих религии и национальности, следовало гарантировать сохранность их национальных языков и религий [13. С. 457–458]. Но в качестве главного средства достижения национального компромисса авторы «Вести» предложили формирование единого господствующего сословия, на которое и будет опираться император в управлении разноплеменным государством. То есть, не имея возможности сразу примирить национальности, следовало примирить их элиты [Там же. С. 459–461].

Ю.Ф. Самарин поставил под сомнение возможность существования Российского государства в условиях провозглашения равенства национальностей и религий при условии отказа национальных меньшинств от стремления к политической самостоятельности. Подобные условия, в его представлении, никак не могли распространяться на католические народы в силу того, что католическая церковь была всегда нацелена на достижение политического господства [Там же. С. 459–460].

Однако главное неприятие вызвало предложение формирования сословной, дворянской монархии. Это противоречило самой идеи русской монархии как национального государства, где царь был главой всей нации без предрасположенности к какому-либо сословию или отвержения какого-либо сословия [Там же. С. 461–462]. Предложение газеты «Весть» вело к формированию аристократической монархии, отвергнутой большинством европейских стран, поскольку аристократическое правление всегда основывалось на

децентрализации. Главной тенденцией развития европейской государственности в XIX в. Ю.Ф. Самарин называл формирование национальных государств. Данное явление славянофил считал исторически закономерным и прогрессивным и задавался вопросом: где, как не в России, всегда демонстрировавшей «непобедимую силу народного начала», возможно было создание национального государства? Очевидно, Ю.Ф. Самарин имел в виду исключительно вариант развития России в направлении формирования русского национального государства на основе развития только русских национальных начал. Он категорически отрицал возможные попытки распространить идею создания национальных государств другими народами России, прежде всего поляками, как «несуществимые притязания, основанные на одних воспоминаниях» [13. С. 482–483].

Отвергая в принципе предложение «Вести» как противоречившее всей сложившейся системе российской государственности, Ю.Ф. Самарин, тем не менее, попытался проиллюстрировать перспективы его реализации в различных регионах России. В великорусских губерниях ведущую роль дворянства можно было признать только в силу преимущественного рекрутования из его среды чиновничества. Но управление представителями других сословий они осуществляли не как сословие, а как государственные служащие. Дворянство исторически сложилось как служилое сословие, любые стремления к статусу аристократии, т.е. политическому господству, пресекались самим русским народом [Там же. С. 464].

В Польше, отмечал славянофил, вечно бунтовавшая против Российского государства шляхта была разобщена с остальной частью польского народа. Польские дворяне никогда не скрывали презрения к холопству, но полагали, что оно всегда будет поддержано в борьбе против России. Однако события 1862–1864 гг. показали, по мнению Ю.Ф. Самарина, полную изолированность шляхты. В Северо- и Юго-Западном крае к социальной пропасти добавляются религиозная и конфессиональная враждебность между польско-католическим дворянством и православным русским крестьянством. Весьма похожая ситуация в Остзейском крае, где господствовало немецкое дворянство, угнетавшее коренное население. Здесь социальный гнет налагался на национальную неприязнь между высшими и низшими сословиями. Таким образом, утверждал славянофил, в национальных регионах дворянство являлось источником религиозных и национальных конфликтов и никак не могло претендовать на роль представителей этих народов во власти. Равно и власть, опиравшаяся на дворянство, не получала тем самым опору в многонациональном российском обществе [13. С. 465–469].

Кроме того, идея создания наднационального дворянского сословия упиралась в национальную замкнутость немецкого и польского дворянства. Именно они были носителями польского и немецкого национализма, а также религиозного противостояния православию. Поэтому любые уступки в их сторону не будут вызывать ответного стремления к усилению государственного единства [Там же. С. 477].

Ю.Ф. Самарин указывал на сложившийся в России правовой парадокс, ставший результатом попустительства правительства, сохранявшего традиционные привилегии местных дворянских корпораций в национальных регионах, когда польское и немецкое дворянство считалось частью общероссийского, но русские дворяне могли получить статус дворян в озтзейском крае за особые заслуги на основе местных, а не общероссийских законов. То же касалось и возможности приобретения земель в Западном и Остзейском крае. И если в Польше после событий 1863 г. было стимулировано приобретение земель русским дворянством, то экономический уклад и поземельные отношения в Остзейском крае по-прежнему поддерживали полную монополию немецкого дворянства [13. С. 471–472].

В социологической конструкции славянофилов изначально присутствовало противоречие. Их идея «негосударственности» русского народа, казалось бы, отрицала Российское государство как русское национальное. Государство не имело связи с национальной идентичностью, которая была прерогативой народа. Этот подход, на первый взгляд, должен был совпадать с имперскими принципами индифферентности к этнической принадлежности при условии политической лояльности подданных. Негосударственность русского народа должна была вести к отсутствию у него претензий на политическое доминирование и статус господствующей нации Российского государства. Государство же, будучи носителем суверенитета, обеспечивало единство империи.

Обращаясь к конкретным явлениям из прошлого и настоящего России, славянофилы трактовали национальный вопрос иначе. К.С. Аксаков важнейшей чертой развития Московского государства считал национальный характер царской династии. В его трактовке русским народом царская династия воспринималась как часть национальной организации, а государство – как русское национальное. Формирование многонациональной Российской империи не должно было влиять на изменение характера государственности. А.С. Хомяков, Д.А. Валуев, Ю.Ф. Самарин подчеркивали, что русская национальность оставалась основой государственности, а государство – Русским.

Сама конструкция «государство – народ» была попыткой характеристики взаимодействия русского народа и государства и не касалась других народов. Возникший в результате реформ Петра I диссонанс в данной системе был проявлением национального кризиса только русского народа. Таким образом, все построения славянофилов о принципах взаимоотношений государства и нации адресовались исключительно русскому народу и не могли рассматриваться как универсальные идеи, касавшиеся всех народов империи.

И.С. Аксаков включился в публицистическую деятельность в период максимального накала полемики между западниками и славянофилами, что не могло не повлиять на направленность его статей, всегда носивших остро дискуссионный характер. Кроме того, после ухода из жизни своих старших товарищей он, возглавив славянофильскую публицистику, сосредоточился на попытке практической реализации положений доктрины в жизни российского общества.

Продолжая развивать идею о государстве и народе как явлениях разного порядка, И.С. Аксаков отметил, что в допетровский период между народом и государством существовало определенное взаимодействие, основанное на разграничении сфер влияния. В результате петровских реформ государство нарушает невмешательство и пытается трансформировать духовную жизнь народа на основе европейской культуры [14. С. 30–31].

Народ был не в силах сопротивляться этому давлению, поскольку он расколот на простонародье – низы, сохранившие национальный дух, но неграмотные и невежественные, и публику – образованную элиту, поддавшуюся духовной агрессии государства. Восстановить единство можно только поднявшись на новый уровень, создав общество, состоящее из людей мыслящих и одновременно осознающих связь с народными традициями. В него войдут представители народа, получившего образование, и публики, вернувшейся к народным корням [Там же. С. 41–42].

Народ у И.С. Аксакова – не просто совокупность личностей, он сам является коллективной личностью. Мысли и чувства каждого отдельного человека, его осознанная деятельность не влияли на развитие народа, его духовных начал. Данный процесс происходил бессознательно как совместное творчество множества личностей – «народного разума и воли». Примером тому служило формирование и развитие национальных языков – важнейшего средства народного единства. Язык всегда становился результатом творчества народа в целом, но не отдельных людей. Но эти духовные результаты народного творчества, народной мысли затем постигались отдельными личностями, что и являло акт самопостижения народа, выводило его на стадию самосознания, которое определялось мыслителем как «новое движение в бытие народном, новая ступень народной жизни» [Там же. С. 34–35].

Народное самосознание, писал И.С. Аксаков, осуществляется в обществе, или, иначе, оно формирует общество, т.е. «общество» – это «народ на второй ступени своего развития, народ самосознующий». Общество – это не нация, но необходимая ее часть, создающая единство государства и народа, – «срода, в которой совершается сознательная внутренняя деятельность известного народа; которая создается всеми духовными силами народа, вырабатывающими народное самосознание» [14. С. 32]. Общество не совпадает с народом, но существует нераздельно от него, так как должно подпитываться от народных корней.

Пока же в России не было нации, и единство ее создавало государство как внешняя сила [Там же. С. 34–35]. Общество как совокупность мыслящих индивидов, сознающих свое национальное единство, только предстояло создать. Государство не могло этого сделать, поскольку оно не было связано с народным самосознанием. Данный процесс мог реализоваться только как результат саморазвития народа. Общество должно было прийти на смену публике, и тогда народ будет развиваться в результате осознанной деятельности личностей [Там же. С. 36]. Таким образом, продолжая раскрывать тему раскола русского народа, мыслитель сосредоточился на поиске способов его преодоления.

Именно уровень развитости общества определял, по мнению И.С. Аксакова, силу народного самосознания, от которого зависела устойчивость национальности к ассимиляционному воздействию, равно и собственный ассимиляционный потенциал. «Бытовая сила народности», реализуемая в повседневной жизни простого народа, была пассивной и не могла являться показателем национального потенциала, который проявлялся в «деятельности народного духа в высшей области мысли и знания» и образовывал бы «новое сознательное народное единство» [15. С. 93]. Таким образом, И.С. Аксаков настаивал на приоритете русского народа в исторической деятельности, считая его, а не государство, главным субъектом творчества.

Как единый национальный организм Русь-Россия сложилась уже в допетровский период. Более того, духовное единство, существовавшее в русском народе, приводило к тому, что даже присоединенные в результате завоевания народы «русели сами собой» [16. С. 219]. Петр I создал «отвлеченное, государственное, механическое единство». Истинное же единение России могло возникнуть только на основе русской национальной духовности. Оно же было нарушено вследствие насильтственной европеизации, что привело к ослаблению интегрирующей силы русской народности. Но именно петровские реформы заставили понять «духовную сущность его органических начал и оценить истинное значение живого, неотвлененного единства» [Там же]. Поэтому, писал славянофил, российскую империю нельзя считать реализацией идей Петра I: «Степень могущества Российской империи всегда зависела и зависит от меры участия духовных сил русской народности во внешнем государственном устройстве России, от степени сближения правительства с народом, государства с землей» [Там же].

Истинного величия Российская империя достигала только на основе национального единения. Но до сих пор оно возникало при внешней угрозе. Важно добиться сближения государства и народа для решения внутренних, в том числе национальных проблем. И.С. Аксаков ожидал, чтобы «правительство яснее, виднее, тверже поставило знамя русской национальности как единственного своего руководящего начала не только внешней политики, но и внутренней» [17. С. 535]. В работах начала 1880-х И.С. Аксаков чаще начинает употреблять термин «национальный» вместо «народный», но в данном случае он не означал противопоставления интересов русского народа другим народам. Речь шла, прежде всего, о вовлечении народа в общественную жизнь через общественные дискуссии, развитие свободы слова и местного самоуправления. Государство не должно ограничивать народного потенциала, и тогда проявление русского национального духа позволит создать единство империи [18. С. 312].

И.С. Аксаков возвращался к необходимости разграничения государственной и народной сфер только для того, чтобы призвать к ограничению всевластия русской бюрократии и предоставлению большей свободы деятельности народу, но не в политической сфере (незыблемой прерогативе государства), а в духов-

ной, общественной. Он постоянно подчеркивал неразрывную связь государства и народа (русского), чье единство было залогом развития России. Более того, он писал: «Верховная власть в России получила свое уполномочие от народа (русского. – В.К.)» [17. С. 535], поэтому несет перед ним ответственность не юридическую, но моральную. Здесь важно понять – предполагало ли формирование «общества» изменения в политической и социальной организации России в сторону ее либерализации или имело целью только апологию русской национальной духовности. И.С. Аксаков подчеркивал невозможность создания общества без развития народного образования, широкого самоуправления, свободы слова. Общество виделось ему как явление вне сословных барьеров [14. С. 44–45]. Но он еще раз демонстрировал своими высказываниями, что его проект национального развития адресован только русскому народу. То есть перемены во взаимоотношении Русского государства и русского народа в результате формирования «общества» не должны были изменить национальный характер Российской империи.

И.С. Аксаков резко выступал против попыток рассматривать Россию как многонациональный «агломерат», утративший русскую национальную основу [19. С. 79]. «Русское государство создано и стоит только Русью, то есть русскою народною стихией. Все прочие народности только приращения к еециальному народному и государственному организму» [20. С. 63]. Россия была и остается русским национальным государством. Другие народы должны стать частью единого этнополитического образования. И.С. Аксаков противопоставлял ситуацию в Австрии, не ставшей единым политическим организмом, цельной национальностью, и в России: «Слава Богу, у нас в России, несмотря на разные новейшие точки зрения, один народ – Русский, одна национальность – Русская, – которой господство основывается не на количественной только, но преимущественно на качественной силе» [21. С. 49].

Наставая на сохранении за великорусским этническим элементом доминирования, обусловленного историческим развитием России и ролью русского народа в этом многонациональном сообществе, И.С. Аксаков пытался показать, что речь идет не о политическом господстве, поскольку позиционировал себя противником централизации и сторонником местного самоуправления (но не федерализма), а о лидерстве русского народного, национального элемента, о сохранении опоры на нравственные и духовные силы великорусского племени [19. С. 77–78]. Все народы, вошедшие в состав России, «могут претворяться в ее органическую сущность или только пользоваться ее защитой», но она оставалась «святой Русью», т.е. общностью, единство которой обеспечивали русские национальные духовные ценности [16. С. 219].

И.С. Аксаков категорически возражал против восприятия царя как суверена польского, финляндского и т.д., критиковал сторонников имперского принципа, поскольку «он чужд всякой национальности и выражает собой отвлеченную идею государственности,

свободную от всякой исключительности» [19. С. 79]. Император должен был оставаться символом незыблемости русского национального характера государства – исключительно «русским государем», а Россия – «цельным народным политическим организмом» [16. С. 217]. Иначе Россию ожидала судьба распадавшейся Австрии, где условиями государственного единства были «единая власть и верноподданничество», неизбежно ведущие ее к дезинтеграции. Император Российской, не «бездонный», как австрийский, а «государь русский», «первый человек русской земли» [20. С. 63].

При этом всегда подчеркивалось наличие обратной связи: чем крепче духовная мощь народности, тем сильнее его внешняя форма – государство. Поэтому для сохранения могущества государство должно блести интересы своего органического начала – народного духа, народности [18. С. 310]. Принцип невмешательства государства в сферу народного, национального действовал у И.С. Аксакова, только когда речь шла о русской народности, но в отношении к другим народам государство должно было иметь (и проявлять) русскую национальную основу.

Это не означало необходимости прямого административного вмешательства государства с целью принудительной ассимиляции нерусских народов. Государство должно противодействовать лишь очевидным проявлениям сепаратизма. И.С. Аксаков неоднократно повторял мысль об успешности задачи единения России только как естественного процесса их включения в общее «народное тело» и растворения в нем. Его прохождение определялось силой народности – личности русского народа, в свою очередь, зависящей от национальной консолидированности [22. С. 245].

Причинами неуспешности русских ассимиляционных проектов, особенно в Западном крае и Прибалтике, славянофил считал отсутствие русского национализма как доминирующей государственной и общественной идеологии. Обрушение было только системой административно-бюрократических мер без какой-либо поддержки со стороны великорусской общественности. Это явилось результатом засилья государства, не дававшего возможности развитию «общественного национализма». Последний раскол в самом обществе привел к развитию западническо-либеральных идей, выступавших против задачи русской национальной консолидации и провозглашавших необходимость реализации имперского принципа подданства, основанного на лояльности власти и индифферентной к национальности. Доминирование в русской культуре, литературе и языке европейского влияния размывало систему базовых духовных ценностей русской нации и тем самым ослабляло и общий духовный и ассимиляционный потенциал [23. С. 379–386].

В качестве контрпримера И.С. Аксаков использовал Пруссию, где государственная политика германизации польских земель находила полную поддержку немецкого общества и, по мнению славянофила, в силу этого не только достигла своих целей, но и не встретила особого сопротивления поляков. В России же существовал раскол между государством и обществом и

внутри самого русского общества. Поэтому любые действия правительства носили принудительный характер и воспринимались в штыки не только поляками, но и русской общественностью. И.С. Аксаков регулярно возвращался к мысли, что ассимиляция, проводимая самим русским народом, не вызовет сопротивления со стороны других народов и будет гораздо более действенной. Здесь, как правило, следовал отсыл к истории присоединения земель в эпоху Московского государства, когда обрусение проводилось единственным русским народом и не встречало поэтому противодействия татар, быстро ставших частью русского этнополитического единства. При этом И.С. Аксаков не раскрывал методы и способы «народной» ассимиляции ни в прошлом, ни в настоящем [23. С. 379–386].

В то же время преимущество государственных наций не являлось безусловным. История знала много примеров, когда победители ассимилировались, воспринимая язык и культуру покоренных народов. Межнациональные отношения – это всегда противостояние народных характеров. Верх всегда берет народ, более преданный своим национальным ценностям. И.С. Аксаков был искренне убежден в невозможности ассимиляции народа, сохранявшего веру в свои духовные идеалы и ценности. Допускалось и сохранение «своего типа», но только для малочисленных народов в силу их безвредности [22. С. 245–248].

Итак, в славянофильской традиции взаимоотношения народности и государства первоначально трактовались только как взаимодействие русской народности и русского государства с точки зрения определения приоритетности консолидирующих факторов в русской истории. Но в условиях политического и

политиконфессионального сообщества неизбежно актуализировались взаимоотношения русской народности с другими народностями Российской империи. Вследствие чего эта проблема приобретала многовекторный характер и неизбежно трансформировалась у славянофилов в вопрос о взаимоотношениях Российского государства и нерусских народностей.

Славянофильство апеллировало к народности как главному субъекту исторической деятельности. Славянофилы, провозгласив идею русского национального государства, определили русский народ главной движущей силой данного процесса. Россия должна была стать русским государством, что в славянофильском варианте предполагало проведение ассимиляции остальных народов, входивших в состав государства.

Славянофилы видели в обрусении проявление национальных сил русского народа. Для реализации этого потенциала народ необходимо было освободить из-под опеки государства, провести социально-экономические реформы, развить самоуправление. Только когда русский народ станет действительным лидером в культуре, нравственности, духовности, возможно будет естественное обрусение как длительный эволюционный процесс добровольной ассимиляции, т.е. приобщения инородцев к русской культуре и духовности. Это не означало полного отказа от опоры на государственную власть, но успех «русского дела» должен прийти, только когда сам русский народ станет самостоятельным субъектом развития. То есть народность была для них главной силой общественного развития, а государство – ее инструментом. Поэтому славянофилов можно отнести к этноцентристскому крылу русского национализма XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вердери К. Куда идут «нации» и «национализм» // Нации и национализм. М. : Практис, 2002. С. 297–307.
2. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб. : Алетейя, 1998. 306 с.
3. Цымбабев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М. : Изд-во МГУ, 1986. 271 с.
4. Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М. : Наука, 1993. 207 с.
5. Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. М. : Мысль, 1983. 272 с.
6. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Избранные статьи. М. : Современник, 1984. С. 199–237.
7. Хомяков А.С. По поводу статьи И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» // Полное собрание сочинений. М. : Университетская типография, 1900. Т. 1. С. 197–262.
8. Аксаков К.С. Западная Европа и народность // Литература и история. Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII–XX вв. СПб. : Наука, 1992. С. 301–305.
9. Валуев Д.А. Предисловие // Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных. М. : Тип. Августа Семена, 1845. Т. 1, ч. 1. С. 1–19.
10. Хомяков А.С. Мнение иностранцев о России // Полное собрание сочинений. М. : Университетская типография, 1900. Т. 1. С. 3–30.
11. Самарин Ю.Ф. Современный объем Польского вопроса // Сочинения. М. : Тип. А.И. Мамонтова, 1877. Т. 1. С. 325–350.
12. Самарин Ю.Ф. Письма из Риги. Современное отношение Остзейского края к России и к правительству // Сочинения. М. : Тип. А.И. Мамонтова, 1889. Т. 7. С. 32–57.
13. Самарин Ю.Ф. О политическом идеале газеты «Весть» // Сочинения. М. : Тип. А.И. Мамонтова, 1898. Т. 9. С. 456–485.
14. Аксаков И.С.О взаимоотношении народа, государства и общества // Собр. соч. : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 2. С. 28–59.
15. Аксаков И.С. В чем сила народности // Собр. соч. : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинов, 1886. Т. 2. С. 89–96.
16. Аксаков И.С. Где органическая сила России? // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 2. С. 211–219.
17. Аксаков И.С. Все мы равно виноваты // Собр. соч. : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 2. С. 529–537.
18. Аксаков И.С. В чем залог прочного развития и единства России? // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 2. С. 307–317.
19. Аксаков И.С. Петербург или Киев // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 2. С. 72–79.
20. Аксаков, И.С. По поводу «Окраин» Ю.Ф. Самарина // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 6. С. 62–69.
21. Аксаков И.С. Передовая статья газеты «День» 13 ноября 1865 г. // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 1. С. 44–50.
22. Аксаков И.С. Условия государственного единства и силы // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 2. С. 244–252.
23. Аксаков И.С. Отчего Россия так мало способна к обрусению своих окраин // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 2. С. 379–386.

Статья представлена научной редакцией «История» 12 марта 2017 г.

NARODNOST AND THE STATE IN THE SLAVOPHILE DOCTRINE (1840S–1880S)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 103–109.

DOI: 10.17223/15617793/417/15

Viacheslav N. Kudriashov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kvn18011962@yandex.ru

Keywords: Slavophilism; narodnost; state; ethnocentrism; nationalism.

The national discourse in the 19th-century Russian intellectual tradition initially focused on defining the principles of interaction between the nation and the state. The purpose of this article is to identify the Slavophiles' attitude to ethnic phenomena and the state, both in the historical perspective and in the perspective of the contemporary Russian society. The author believes that in historical literature there is no single point of view on the periodization of Slavophilism. But most researchers agree that the development of the main provisions of the Slavophile doctrine originated in the works of A. Khomyakov, I.V. Kireevsky, K.S. Aksakov and others the 1840s–1850s. I.S. Aksakov was the successor of the classical Slavophile tradition and, in one version, was its last representative, in another, he was the link with the late Slavophilism. Therefore, the chronological scope of this article is limited to the period of active academic and journalistic activities of those personalities, i.e. the 1840s–1880s. The author analyzes the Slavophile tradition of ethnic relations and the state. Initially it was treated only as an interaction of Russian nationality and Russian state, in terms of prioritizing the consolidating factor in Russian history. But in the multi-ethnic and multi-confessional community, relations of the Russian people with other peoples of the Russian Empire were inevitably actualized. As a result, this problem acquired a multi-vector character and inevitably transformed Slavophiles in the question of the relationship between the Russian state and the non-Russian nationalities. Slavophilism appealed to the nation as the main subject of historical activity. Slavophiles, declaring the idea of the Russian national state, defined the Russian people as the main driving force of this process. Russia was to be a Russian state, which, in the Slavophiles' option, assumed assimilation of other peoples that were part of the state. Slavophiles saw a manifestation of the national forces of the Russian people in Russification. To realize this potential, the people had to be freed from the care of the state to conduct socio-economic reforms, to develop self-government. Only when the Russian people became true leaders in culture, morality, spirituality, natural Russification could occur as a long evolutionary process of voluntary assimilation, i.e. familiarizing foreigners with Russian culture and spirituality. This does not mean a complete refusal to rely on state power, but the success of the "Russian matter" should come only when the Russian people will be an independent developing subject. The author concludes that the nation for Slavophiles was the main force of social development, and the state was its tool. Therefore, the Slavophiles, the author believes, can be attributed to the ethnocentric wing of Russian nationalism of the 19th century.

REFERENCES

1. Verderi, K. (2002) Kuda idut "natsii" i "natsionalizm" [Where do the "nations" and "nationalism" go?]. In: Anderson, B. et al. *Natsii i natsionalizm* [Nations and nationalism]. Translated from English and German by L.E. Pereyaslavtseva, M.S. Panin, M.B. Gnedovskiy. Moscow: Praksis.
2. Hobsbawm, E. (1998) *Natsii i natsionalizm posle 1780 g.* [Nations and nationalism after 1780]. St. Petersburg: Aleteyya.
3. Tsimbaev, N.I. (1986) *Slavyanofil'stvo. Iz istorii russkoy obshchestvenno-politicheskoy mysli XIX veka* [Slavophilism. From the history of Russian social and political thought of the 19th century]. Moscow: Moscow State University.
4. D'yakov, V.A. (1993) *Slavyanskiy vopros v obshchestvennoy zhizni dorevolutsionnoy Rossii* [The Slavic question in the social life of pre-revolutionary Russia]. Moscow: Nauka.
5. Dudzinskaya, E.A. (1983) *Slavyanofily v obshchestvennoy bor'be* [Slavophiles in the social struggle]. Moscow: Mysl'.
6. Kireevskiy, I.V. (1984) *Izbrannye stat'i* [Selected articles]. Moscow: Sovremennik. pp. 199–237.
7. Khomyakov, A.S. (1900) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 1. Moscow: Universitetskaya tipografiya. pp. 197–262.
8. Aksakov, K.S. (1992) *Zapadnaya Evropa i narodnost'* [Western Europe and the Nation]. In: Stennik, Yu.V. (ed.) *Literatura i istoriya. Istoricheskiy protsess v tvorcheskem soznanii russkikh pisateley XVIII–XX vv.* [Literature and History. The historical process in the creative consciousness of Russian writers of the 18th–20th centuries]. St. Petersburg: Nauka.
9. Valuev, D.A. (1845) *Sbornik istoricheskikh i statisticheskikh svedeniy o Rossii i narodakh ev edinovernnykh i edinoplemennykh* [A collection of historical and statistical information about Russia and its faithful and kin peoples]. Vol. 1. Part 1. Moscow: Tip. Avgusta Semena. pp. 1–19.
10. Khomyakov, A.S. (1900) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 1. Moscow: Universitetskaya tipografiya. pp. 3–30.
11. Samarin, Yu.F. (1877) *Sochineniya* [Works]. Vol. 1. Moscow: Tip. A.I. Mamontova. pp. 325–350.
12. Samarin, Yu.F. (1889) *Sochineniya* [Works]. Vol. 7. Moscow: Tip. A.I. Mamontova. pp. 32–57.
13. Samarin, Yu.F. (1898) *Sochineniya* [Works]. Vol. 9. Moscow: Tip. A.I. Mamontova. pp. 456–485.
14. Aksakov, I.S. (1886) *Sobr. soch.: v 7 t.* [Works in 7 vols]. Vol. 2. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova. pp. 28–59.
15. Aksakov, I.S. (1886) *Sobr. soch.: v 7 t.* [Works in 7 vols]. Vol. 2. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova. pp. 89–96.
16. Aksakov, I.S. (1886) *Sobr. soch.: v 7 t.* [Works in 7 vols]. Vol. 2. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova. pp. 211–219.
17. Aksakov, I.S. (1886) *Sobr. soch.: v 7 t.* [Works in 7 vols]. Vol. 2. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova. pp. 529–537.
18. Aksakov, I.S. (1886) *Sobr. soch.: v 7 t.* [Works in 7 vols]. Vol. 2. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova. pp. 307–317.
19. Aksakov, I.S. (1886) *Sobr. soch.: v 7 t.* [Works in 7 vols]. Vol. 2. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova. pp. 72–79.
20. Aksakov, I.S. (1886) *Sobr. soch.: v 7 t.* [Works in 7 vols]. Vol. 6. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova. pp. 62–69.
21. Aksakov, I.S. (1886) *Sobr. soch.: v 7 t.* [Works in 7 vols]. Vol. 1. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova. pp. 44–50.
22. Aksakov, I.S. (1886) *Sobr. soch.: v 7 t.* [Works in 7 vols]. Vol. 2. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova. pp. 244–252.
23. Aksakov, I.S. (1886) *Sobr. soch.: v 7 t.* [Works in 7 vols]. Vol. 2. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova. pp. 379–386.

Received: 12 March 2017